

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Захар Прилепин. Прошлое здесь</i>	5
Предисловие.....	12
ЧАСТЬ I. Вступление в тему	17
Захар Прилепин — номер один	18
Амбициозные планы	20
Всматриваясь в фотографии.	21
Два Захара	22
Начало	27
Всеволод Гаршин и Захар Прилепин — братья по крови?	31
От Ледникового периода до наших дней ...	37
Как мы искали и кого мы нашли	43
Самые первые упоминания сёл Каликиной Поляны и Доброго Городища ...	50
Кто такие однодворцы?	55
Инструмент, которого раньше не было	60
Как всё-таки узнать, когда и откуда они пришли	69
На кого следует равняться, чьих ошибок необходимо избежать	71
ЧАСТЬ II. Повторное заселение	76
Первые упоминания. Подробности	80
В лебедянские времена.	93
Почему село называется Каликина Поляна? ..	96

Ещё один анализ документа начала XVII века	98
Предковые линии в древе Захара Прилепина, по которым не удалось продвинуться	107
О реалиях начала XVII века	112
Дело о хождении с Руси на Дон и обратно. Итоги	127
Ратчина Поляна, Воронеж, далее везде.	137
В Козловском уезде.	141
Струги на Азов.	159
«Помня Бога ... и свою русскую природу»	165
Иловлинские	172

ЧАСТЬ III. Вернёмся в XXI век. Лапино.

Лит. мастерская.	183
Нисифоровы, Таёкины, Красиковы, Ванчковы.	190
Новый анализ списков. Новые предковые линии	196
Правильная история одного города. Начало	201
Воевода Иванис Кайсаров. Последний добренский год	214
Они были когда-то живыми	225
Разбойники	235
Богач Андрюшка Звягин	250
В Добром новый воевода	254
Обернувшийся бесом	265
В Бункере	282
Шамшев	289
Дощеники и хлебозаготовка при Шишкине	300

ЧАСТЬ IV. Жизнь — случившееся чудо	311
Мирный 1653 год	317
Доброе. Купцы и товары	328
Война. Победоносное начало	337
Драгуны городовые	350
А был ли Минька?	356
Русская речь	366
Дмитрий Албычев против Доброго Городища	377
Братья киевские	395
Русские на Днепре и за Днепром. Хроника событий	406
На Днепре и за Днепром. Весна-лето 1664 года	413
Борьба государства с дезертирством	423
Пушкин, Толстой и другие	428
Разруха военного времени. «Спас Нерукотворный». Симон Ушаков	438
Рейтары — последние годы войны и возвращение	445
После возвращения	449
«На той земли живали прадеды и деды наши»	459
«Кладбища в Скулянах» и хождение по одним дорогам	471

Понятно, что моя родословная — интерес сугубо личный.

Были люди, жили люди — от них однажды родился я; обычные дела.

Но речь тут, в сущности, и не обо мне даже.

А о ком тогда?.. О чём?

Попробую объяснить.

Отец мой родился в селе Каликино — Добровский район, Липецкая область. Ранее, до создания Липецкой области, село было частью Тамбовской губернии.

Село стоит на притоке Дона — реке Воронеж. В той реке я научился плавать. Та река помнит меня ребёнком.

Возле нашего каменного, из красного кирпича, каликинского, построенного моим зажиточным прадедом в 1914 году дома, стояли почтовые ящики: штук двенадцать, железные, крашенные синей краской. На каждом — фамилия. Причём фамилий восемь было одинаковых — Прилепины. То были наши соседи.

Другая же частая фамилия у нас в Каликино была Востриковы. Бабушка моя по отцу в девичестве носила эту фамилию.

С детства я знал, что почти вся каликинская округа — моя разнообразная родня: деда и бабушки, родные, двоюродные, троюродные братья, дядя, сёстры.

То было несколько странным ощущением, совсем не городским: если в городе — все посторонние, то здесь — через одного свои.

Ещё была в селе нашем забавная фамилия Черномордов и была фамилия Кирин. Эти фамилии носили самые главные товарищи (и однокласс-

ники) отца. Они как подружились в послевоенной школе, так и оставались всю жизнь неразлучны: Прилепин, Черномордов, Кирин. Звучит, как строчка из стихотворения.

Сколько я себя помню — в любое время дня и ночи заваливаются к отцу друг его Черномордов, и друг его Кирин, и начинается их гульба.

И тут я читаю книгу Ильи Рыльщикова «СВО XVII века» и узнаю, что и Прилепины, и Востриковы, и Черномордовы, и Кирины — живут в Каликино свыше 350 лет.

Более того, когда была в XVII веке большая война за Малороссию, Прилепины, Востриковы и Черномордовы служили в одном полку. Есть такие документы! Он их нашёл! Там это прописано чёрным по белому: как они воевали за украинские земли против ляхов. И Востриковы из Каликино (прописанные как Остриковы) — тоже там были, на той же войне.

Мне сложно объяснить, до какой степени открытие это — головокружительно для меня.

Ничего вроде бы особенного. Но, если вдуматься, я вдруг осознаю, что история — недвижима. Да, она течёт — но течёт по прежнему руслу. И люди, ничем не отличимые от нас, шли ранее нас теми же дорогами, которыми ходим и мы.

И когда началась специальная военная операция, я без труда нашёл в списках военнослужащих как минимум троих Прилепиных из Каликино, и один из них погиб, — Царствие Небесное дальнему брату моему. И Черномордовы там оказались, в тех же списках, и Кирины обнаружили, и Востриковы.

С нашего же, повторяю, села!

И той же, думаю, дорогой — например, через Валуйки — отправлялись они уже в наш век в ту

же сторону. Чтоб отстоять то, что положено отстаивать нам на роду.

Рыльщикова начинает повествование своё неспешно, но чем дальше, тем больше картина, описываемая им, ширится, события ускоряются, и вдруг — как из рога изобилия начинают сыпаться не только моей кровной родни имена, обнаруженные на такой огромной глубине — но и, подумать только! — Фонвизины, Пушкины, Ушаковы, Толстые, которые теми же дорогами шли на те же битвы! И возглавляли они, будучи дворянами, и моих предков в том числе. И выходили на бой все вместе в малороссийские туманные утра.

И не только мои, но, скорей всего, и ваши, читатели, предки были там.

Просто мне судьба выдала такую удачу — нашла учёного, архивиста, исследователя, который, взяв все четыре мои родовые нити, протянул их от дня нынешнего до самого XVII века.

Но если подобная удача выпадет и вам — открытия ваши будут, уверяю вас, не менее удивительны.

И предсказать их можно без труда.

Историю, о которой мы читаем книги и смотрим фильмы, в самом прямом смысле творили наши кровные предки. Какой бы исторический период ни попался вам, будьте уверены, где-то там, то на поле Куликовом, то в Полтаве, то под Перекопом, то на Курской дуге, мелькает лицо вашего прадеда, прапрадеда, прапрапрадеда. И от вашего лица оно почти неотличимо.

У меня были, в сущности, простые предки. Зато история вокруг была непростая. История вокруг была — великая. Хотя предки, должно быть, и не задумывались о том. Тянули ту же самую лямку, что и все тогда.

Предки мои по материнской линии носили фамилию Нисифоровы. Как и Прилепины с Восстриковыми, они тоже всю жизнь жили, не сходя, из века в век, на одном месте.

Место то: село Казинка Скопинского района Рязанской области, а ранее — Скопинского уезда Рязанской губернии.

На казинском кладбище похоронена вся моя, на триста лет вглубь, родня. В казинском храме святой Параскевы был я крещён.

Заезжая в Казинку, я и там всякий раз узнавал, что повсюду, куда ни глянь, там тоже живёт моя, по деду Нисифорову, добрая родня. Кустом развесистым!

Бабушка моя по материнской линии, жена деда Нисифорова, в девичестве носила фамилию Лавлинская. Она была с воронежских земель — из села Губарёво, расположенного недалеко от Дона. Она всегда говорила, что село то — родовое, что все Лавлинские оттуда, и жили там издавна.

Во время Великой Отечественной, летом 1942 года, в Губарёво пришли нацисты. Тогда под обстрелами погиб наш родовой дом.

Мою бабушку (ей было тогда 12 лет) с другими селянами и жителями соседних сёл нацисты погрузили в вагоны, чтобы увезти в Германию на работы. Бабушка чудом спаслась, выжила, избежала плена, но в село своё уже не вернулась никогда.

К тому времени, когда я родился, всё это быльём поросло. И чем дальше — тем больше порастало. Ну было какое-то там Губарёво до войны, ну жили там мои предки, ну что ж теперь — кого там искать.

Но однажды мы ехали с моими детьми через Воронеж по любимым и родным моим донским местам, и вдруг, спонтанно, я говорю дочери:

«А давай до Губарёво доедем? Посмотрим вокруг: может, какие свои корешки разыщем». Она говорит: «Поехали, конечно».

Мы ушли с трассы и скоро прибыли. В середине села увидели церковь. И вдруг меня озарило: ведь в этом храме молились, крестились, венчались мои предки. Здесь их отпевали. Прямо за церковью заметил я старое кладбище. Говорю детям: «А посмотрите, нет там Лавлинских? Если найдёте — это наша дальняя родня».

Вышли дочери на старое кладбище и говорят: «Пап... а тут почти все Лавлинские!..»

Пошёл я за ними вослед и ахнул. И правда! И во многих лицах на памятниках, не совру, угадываются черты наши. А имена какие у покойных! Старинные, русские!

Обратил я внимание, в числе прочего, что у покоившихся на том кладбище Лавлинских часто встречается имя Митрофан. Нынче оно совсем редкое, но среди моей, пережившей войну, родни был и у меня дядька Митрофан Лавлинский; его все звали Митроней.

С чего, задумался я, род Лавлинских так любил это имя? И тут же догадался! Святитель Митрофан — главный воронежский святой! Богомольные были Лавлинские мои, чтили своего святого!

Илья занялся и этой линией, и протянул её тоже до того самого XVII века.

...И вот я стою посреди Каликино, Казинки, Губарёво — как посреди русского поля, и чувствую благодать на сердце. Я дома, я всех знаю.

Книга же эта, повторяю, далеко не только обо мне. Скорей, родовые линии мои — повод. Повод рассказать, как жили русские люди в те давние времена. Как торговали, как работали, как воевали. О чём были главные заботы их. Повод рассказать

про воевод проворовавшихся, и про воевод честных. Про сельский сход и про царёв суд.

Всю жизнь занимающийся русской историей, ничего этого я не знал! Я удивлялся на каждой странице!

Кто такие дети боярские, рассказал Илья Рыльщиков. Про разбойников рассказал и про казаков тоже. Кто такие однодворцы поведал.

А ещё пишет он в своей книге: «Все пращуры Захара Прилепина, кому был положен поместный и денежный оклад в конце XVII века, создали для своих потомков по мужским линиям возможность перейти в дворянское сословие в конце XVIII века». И далее: «Этой возможностью из десятка семей каликинцев, имевших право весь XIX век и начало XX носить звание дворянина, никто не воспользовался».

Ну, слава Богу. Хоть у меня дворян в роду нет.

Спасибо милой родне по всем линиям четырёх, что свято хранила и донесла сквозь века простое крестьянское имя моё.

Захар Прилепин

Папе моему Рыльщикову Валерию Алексеевичу посвящаю.

Благодарю за помощь в написании этой книги: Светлану Рыльщикову, Алексея Волынца, Ольгу Ерёмину, Андрея Черникова, Дмитрия Масальского, Татьяну Синельщикову, Александра Гостева, И. Л. Рожанского, Светлану Карнаухову, Н. А. Тропина, Наталью Трубицыну, Антона Климова, Николая Чугаева. Особая благодарность — Наталье Викторовне Межовой и Евгении Костицыной. Без них эта книга не состоялась бы или была бы совсем другой.

Начнём со слов великого русского мыслителя философа Павла Александровича Флоренского. Он неоднократно касался в своих трудах вопросов генеалогии. В своих научных трудах и в переписке Флоренский писал о родовых связях, о необходимости интересоваться прошлым своего народа, о неразрывной связи каждого из нас со своими предками.

Восхищает исчерпывающая точность его формулировок.

«Почему надо заниматься (генеалогией)?

а) Чувство связи с родом, долг перед предками, перед родителями обязывает знать их, а не отворачиваться. Последнее и есть хамство — «знать вас не знаю, как родителей, предков...».

б) Себя чувствовать надо не затерявшимся в мире пустом и холодном, не быть бесприютным, безродным: надо иметь точки опоры, знать своё место в мире — без этого нельзя быть богатым. Надо чувствовать за собой прошлое, культуру, род, родину. У кого нет рода, у того нет и Родины и народа. Без генеалогии нет патриотизма: начинается космополитизм — «международная обшлыга», по слову Достоевского. Чем больше связей, чем глубже вросла душа в прошлое, чем богаче она обертонами, тем она культурнее, тем более культурная масса личности: личность тем более носит в себе то, что более её сомоё».

в) Идеи, чтобы быть живыми, должны быть с фундаментом, с прошлым; мы должны чувствовать, что не сами сочиняем свои теории (сочинительство, игра в жизнь), а имеем то, что выросло, что почвенно. Какая разница между одеждой на вешалке и тою же одеждой на живом теле? Такая

же между идеей, отвлечённо, вне культурной среды взятой, и идеей в её живой связности с культурой.

г) Для истории материал необходимый. Надо его собирать. Долг каждого живущего в истории, и давать свой вклад в познание истории. Нельзя заранее сказать, что важно и что не важно. Иногда и мелочи оказываются драгоценными.

г) *Ответственность перед детьми, перед младшими поколениями. Генеалогия — родовое достояние, не личное, и надо его хранить. Как майоратное имение не имеешь права растратить, так и сведения о предках должно держать в памяти, хотя бы сам ими не интересовался. Будущие поколения всегда могут предъявить вопрос: где же наше достояние, где прошлое наше, где наша история. В XVIII веке и до половины XIX века проматывали имения, а во 2-й половине XIX века проматывали духовное достояние — прошлое. Это хуже, чем проматывать имения. (...)*

ж) *Религиозный долг благодарения. Как же благодарить за жизнь, если не памятованием о ней. Сколько поучительного, сколько назидательного — для воспитания. (...) Отказ от жизненной задачи рода ведёт к гибели... Может подточить».*

Выше даны выдержки из книги «У водоразделов мысли». В ней же мы находим весьма показательную цитату, которую приводит в своей книге Павел Александрович: «Для большой публики генеалогия — скучное, чванливое, пустое занятие, — говорит Николай Петрович Лихачёв. — А на самом деле она вытекает из великой заповеди чтить родителей, на усвоении которой едва ли не основана могучая жизнеспособность еврейского племени. Тем, кто не имел счастья любить своих родителей, не надо заниматься генеалогией. Для них она мертва.

Для тех, кто имел счастливое детство, родители родителей, при мысленном углублении и изучении, становятся близки, понятны, любимы».

Ниже, на страницах той же книги П. А. Флоренский пишет: *«Генеалогия имеет в виду нечто большее — не только биологическую наследственность, но и всю сумму качеств, унаследованных от предков, будь то путём биологическим, или педагогическим, или нравственным, духовным и т. д. Нам в данном случае не важно, как и почему. Предки накладывают неизгладимые следы на своих потомков множеством способов, но важно то, что это влияние, всяческое и всяческими способами, несомненно и, следовательно, генеалогически должно быть учитываемо».*

А вот ещё интересное: *«У каждого рода есть свои привычки, свои традиции, свои нравственные особенности, свои вкусы, своя нить культуры, связи с историей, своё понимание, и всё это властными, хотя (и даже потому что) и бессознательно воспроизводимыми штрихами определяет душу отдельного члена родов, пересекающих свои влияния в данном лице»; «Всякий род потому и род, что имеет цель, над осуществлением которой он призван трудиться и ради которой он существует как род, как одно целое»; «Надо следовательно не лениться в поисках. Надо много трудиться над разысканием следов прошлого. Они останутся, да. Но помните, что и нашей небрежности к прошлому, нашей духовной невоспитанности, нашего замыкания в самих себе следы тоже останутся».*

Приведу также высказывания Флоренского, процитированные в книге внука Павла Александровича Игумена Андроника (Трубачёва) «Путь к Богу»: *«...В противоположность дереву, прежнее поколение быстро отмирает и в каждом трёхмер-*

ном сечении рога редко бывает более трёх поколений за раз. Таким образом, если губ закрепляет за собою все прежние поколения ветвей, и они продолжают жить, образуя до известной степени образ всей истории дерева, то в роде прошлое не оставляет своих следов, и пространственная картина рога несоизмеримо беднее четырёхмерного его образа. Жизненно и общественно это обстоятельство учит безусловной необходимости для человека знать, представлять и синтезировать в своём познании прошлое своего рога, закреплять его возможными способами, тогда как ветви дерева, если представить его сознательным, гораздо меньше нуждаются в таком закреплении, ибо там прошлое само собою остаётся закреплённым, и, покуда жив организм дерева — жива и память о всём его прошлом»; «Жизненная задача всякого — познать строение и форму своего рога, его задачу, закон его роста, критические точки, соотношение отдельных ветвей и их частные задачи, а на фоне всего этого — познать собственное своё место в роде и собственную свою задачу, не индивидуальную свою, поставленную себе, а свою — как члена рога, как органа высшего целого. Только при этом родовом самопознании возможно сознательное отношение к жизни своего народа и к истории человечества, но обычно не понимают этого и родовым самопознанием пренебрегают, почитая его в худшем случае за предмет пустого тщеславия, а в лучшем — за законный исторически заработанный повод к гордости».

Летом 1936 года из Соловков П. А. Флоренский пишет своей снохе, жене старшего сына Василия Наталье: «...Записывайте то, что прочтёте по истории из необходимого, чтобы установить своё (в лице своего рога) место в историческом

прошлом, расспрашивайте, выжимайте сведения из кого можно, — да, выжимайте, ибо, как Пушкин сказал с горечью, «мы не любопытны», а нелюбопытство к своему прошлому есть порок. Мы же, к сожалению, не только не любопытны, но всегда стараемся забыть о прошлом и потому не научаемся в настоящем и повторяем ошибки прошлого».

Это — мысли русского мудреца.